

ЕВРАЗИЙСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В 1920-Е ГОДЫ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА

В статье анализируется евразийская трактовка национального вопроса. Основное внимание при этом отводится рассмотрению соотношения национализма, шовинизма и космополитизма в геополитическом контексте.

Ключевые слова: геополитика, национальный вопрос, национализм, шовинизм, космополитизм.

В 20-е годы прошлого века в основных европейских центрах русской эмиграции – Софии, Белграде, Праге, Берлине, Париже – масштабно разворачивается евразийское движение. Заявив о себе в 1921 году публикацией в Софии сборника статей «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев», это движение, по оценке А. Г. Дугина, к середине 20-х годов охватывало уже тысячи участников [1, с. 435]. Впрочем, во второй половине тех же 20-х евразийство вступает в кризисную полосу, которая заканчивается фактической аннигиляцией движения в 30-е годы. Тем не менее, тот идейный корпус, который сложился к акматической фазе евразийства, оказался востребованным и в последующие времена. Сегодня евразийство, после несколько затянувшейся исторической паузы, возродилось и активизировалось в России и некоторых других постсоветских геополитических регионах в виде неоевразийства. Однако вернемся к истокам.

Отцами-основателями и первыми руководителями евразийского движения были выдающиеся русские ученые-мыслители Николай Сергеевич Трубецкой (1890-1938) и Петр Николаевич Савицкий (1895-1968). Круг научных интересов обоих был весьма широк. Н. С. Трубецкой был в первую очередь филологом (языковедом и литературоведом) и наряду с Р. О. Якобсоном был одним из основателей Пражского лингвистического кружка. Но несомненное научное значение имеют его исторические, культурологические,

этносоциологические и собственно философские труды. П. Н. Савицкий проявил себя в географии, экономической науке, истории, социологии. Наконец, он был создателем русского варианта геополитической науки, заложив геополитическую платформу евразийства.

Развивая концепцию В. И. Ламанского о Евразии как особенном географическом и социокультурном пространстве между Европой и Азией, фактически совпадающем с территорией Российской империи (затем и СССР), Савицкий формулирует важнейший геополитический тезис о Евразии как «месторазвитии» русского народа и российской государственности. «Месторазвитие», понимаемое как органическое единство «социально-исторической среды» и занимаемой ею территории, было с подачи Савицкого, признано и другими евразийцами в качестве важнейшей геополитической категории. При создании этого понятия П. Н. Савицкий ориентировался «на образцы понятий, применяемых в геолого-минералогических и биологических науках («месторождение полезных ископаемых», «местоформирование почв», «местообитание животных сообществ», «местопроизрастание растительных сообществ»)» [2, с. 235]. Безусловно, евразиец сознательно учитывал опыт Н. Я. Данилевского в формировании социально-философской терминологии на базе естественнонаучной. Но в смысло-содержательном плане, на наш взгляд, Савицкий здесь опирается на важнейшие положения маловспоминаемой сегодня гениальной книги Д. И. Менделеева «К познанию России», где поднимается вопрос об особенностях «экономического ландшафта» России, которые позволяют ей рассчитывать на великое будущее [3].

Наиболее последовательное и емкое освещение исторического потенциала евразийского месторазвития России было дано в трудах Георгия Владимировича Вернадского (1887-1973). Г. В. Вернадский вместе с П. Н. Савицким и Н. С. Трубецким, по свидетельству последнего, составил «хоровую личность тройки – людей, ни в чем основном никогда друг с другом не спорящих». В своей первой крупной евразийской работе «Начертание русской истории» 1927 года, Вернадский выявил четкую ритмичность государствообразующих процессов на евразийском геополитическом пространстве, предложив нашему вниманию следующую схему:

- «I а) Единая государственность (Скифская держава)
б) Система государств (сарматы, готы)
- II а) Единая государственность (Гуннская империя)
б) Система государств (авары, хазары, камские болгары, Русь, печенеги, половцы)

III а) Единая государственность (Монгольская империя)

б) Система государств — первая ступень распада Монгольской державы (Золотая Орда, Джагатай, Персия, Китай)

в) Система государств — вторая ступень распада монгольской державы (Литва, Русь, Казань, киргизы, узбеки, ойраты-монголы)

IV Единая государственность (Российская империя — Союз Советских Республик...?)»

Здесь же историк задается вопросом «не должен ли вслед за периодом государственного единства Евразии вновь последовать период распада государственности?» [4, с. 34].

Что ж, наше поколение действительно стало свидетелем распада СССР. Но все же Россия продолжает удерживать за собой абсолютно большую часть евразийского месторазвития, или Хартленда, названного так англичанином Хэлфордом Макиндером. Хартленд — это сердцевиная часть планеты (он же является «географической осью истории»). Как и Евразия евразийцев, Хартленд Макиндера совпадает с территорией Российской империи. Говоря о России, Макиндер приходит к выводу, что «никакая социальная революция не изменит ее отношения к великим географическим границам ее существования» [5, с. 27]. Он даже был склонен считать признаком государственной мудрости отказ российских правителей от Аляски, поскольку выход за пределы Хартленда не отвечает геополитическим интересам России. Вторя Х. Макиндеру Г. В. Вернадский полагал, что и в будущем Россия сможет реализовать свои возможности для сохранения «Евразийского государственного единства». «Государственные формы» ориентированные на федерализм, гибко сочетающие мотивы «единства и множества», учитывающие помимо общих целей местные нужды, смогут предупредить и не допустить распад государства. Поскольку в послеельцинской России преобладают центростремительные силы, то, думается, она сможет укрепить свои государственные позиции и сохранить контроль над Хартлендом.

Г. В. Вернадский говорит о двух исторических наследствах русского народа — монгольском и византийском: «монгольское наследство — Евразийское государство. Византийское наследство — православная государственность» [4, с. 35]. Первое — помогло русским нарастить плоть государства. Православие вооружило русский народ «строим идеи». Но Евразия как российское месторазвитие не заселена исключительно русскими, она всегда характеризовалась мощнейшей полиэтничностью. В силу этого

российской государственности неизбежно сопутствовал национальный вопрос. От способов решения этого вопроса не могла не зависеть успешность российского проекта.

В среде евразийцев наиболее пристально всматривался в эту проблематику Н. С. Трубецкой. В его трактовке центральным в евразийском учении выступает понятие личности, которое он раскрывает весьма многогранно. Личность в его понимании может быть «частночеловеческой», совпадающей с отдельной персоной, и «многочеловеческой» (или «симфонической»). Речь в данном случае идет по сути, если воспользоваться терминологией Л. Н. Гумилева, об этносе. Более того, многочеловеческие личности могут существовать в виде «частнонародных» и «многонародных». Для Трубецкого главным предметом исследования евразийской науки призвана стать «многонародная личность, которую в совокупности с ее физическим окружением (территорией) евразийцы называют «Евразией» [6, с. 109].

Яркое освещение национальная проблема получила в первой евразийской работе Н. С. Трубецкого 1920 года «Европа и человечество» и в его «собрании статей» «К проблеме русского самопознания». Последняя книга была издана в 1927 году в Париже и включала 4 статьи, из которых лишь одна являлась первой публикацией, а остальные увидели свет ранее, начиная с 1921 года. Это первая по счету в сборнике статья была напечатана в уже упоминавшемся дебютном сборнике евразийцев «Исход к Востоку» и впечатляюще называлась «Об истинном и ложном национализме». В своих теоретических построениях Н. С. Трубецкой продолжает и развивает идейный комплекс (философско-культурологически-геополитический) поздних славянофилов — Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева, В. И. Ламанского, геополитические взгляды которых были нами рассмотрены в предыдущей статье [7]. Различие между Трубецким и поздними славянофилами было в том, что последние настаивали на тезисе жесткого противостояния России и романо-германской Европы, а евразиец противопоставляет романо-германский мир всему остальному — неромано-германскому миру.

В своей книге «Европа и человечество» Н. С. Трубецкой четко показывает, что самая суть позиции западных европейцев по отношению к национальному вопросу — это расположенность «между двумя крайними пределами: шовинизмом, с одной, и космополитизмом, с другой стороны» [6, с. 57]. Шовинизм исходит из положения о превосходстве одного народа и его культуры над всеми иными народами и культурами. Космополитизм призывает к уничтожению всех различий между народами и культурами. Но в

случае Романо-германцев эти противоположности примиряются, даже совпадают. Началом, соединяющим шовинизм и космополитизм романо-германского национализма, является — эгоцентризм. Последний выступает определяющей характеристикой психологии романо-германских народов. Трубецкой так обрисовал самую суть этого эгоцентризма: «Человек с ярко-выраженной эгоцентрической психологией бессознательно считает себя центром Вселенной, венцом создания, лучшим, наиболее совершенным из всех существ. Из двух других существ то, которое к нему ближе, более на него похоже, — лучше, а то, которое дальше отстоит от него, — хуже. Поэтому всякая естественная группа существ, к которой этот человек принадлежит, признается им самой совершенной. Его семья, его сословие, его племя, его раса — лучше всех остальных» [6, с. 60].

Неизбежным следствием такого эгоцентризма и становится шовинизм, который может быть «узким» — немецким, французским, но также и «общероманогерманским». Именно последний род шовинизма фактически сливается с космополитизмом, порождая такое ложное, с точки зрения Трубецкого, понятие, как «общечеловеческая цивилизация». При этом в качестве образца «общечеловеческой цивилизации» принимается только собственная романо-германская цивилизация, иначе говоря, цивилизация индустриального (а сегодня и постиндустриального) Запада. В сущности, в таких установках апологетов западной цивилизации прозрачно просматриваются геополитические претензии на «мировое господство».

Великий евразиец приходит к выводу, что неромано-германские народы призваны осознать необходимость как преодоления собственного эгоцентризма, так и ограждения себя «от обмана «общечеловеческой цивилизации», от стремления, во что бы то ни стало стать «настоящим европейцем» [6, с. 115]. Путь к этому лежит в следовании двум древним принципам: «познай самого себя» и «будь самим собой».

Первый принцип ассоциируется с Сократом, хотя на самом деле тот прочитал эту надпись в дельфийском храме. Но Н. С. Трубецкой обращает внимание на то, что именно Сократ «первый понял, что самопознание есть проблема и этики, и логики, что она есть столько же дело правильного мышления, сколько и дело нравственной жизни» [6, с. 116]. Именно такая трактовка самопознания вызвала к жизни гносеологический и моральный оптимизм Сократа. В этом историко-философском пассаже Николая Сергеевича несомненно ощутимы уроки великого отца — Сергея Николаевича Трубецкого, трактовка которым фигуры Сократа стала одной из самых ярких и убедительных

в мировой философии [8, с. 259—292]. Заслуга Трубецкого-сына состоит в разработке проблемы коллективного самопознания, в том числе и (что наиболее важно) самопознания национального.

Познание самобытности своей национальной культуры приводит и индивидуальности, и нации к необходимости своего самоосуществления, к необходимости «быть самим собой». Трубецкой убежден в том, что существует несомненная диалектическая взаимосвязь индивидуального и национального: «Чем больше в данном народе существует людей, «познавших самих себя» и «ставших самими собой», тем успешнее идет в нем работа по национальному самопознанию и по созданию самобытной национальной культуры, которая, в свою очередь, является залогом успешности и интенсивности самопознания индивидуума» [6, с. 119]. Строгая Сократовская логика с необходимостью подводит русского мыслителя к выводу: «Если человек только тогда может быть признан истинно-мудрым, добродетельным, прекрасным и счастливым, когда он «познал самого себя» и «стал самим собой», то же самое применимо к народу» [6, с. 119].

Рассмотренные нами ранние культуро-философские работы Трубецкого являются удивительным примером того, как, руководствуясь возможностями классической логики, ученый приходит к опровержению ложных тезисов, в нашем случае — принципа космополитизма и положения о приоритетности «общечеловеческой цивилизации». А то, что за этими тезисами стоит не только логическая ложность, но также политическая и моральная несостоятельность, со всей очевидностью можно обнаружить в нашем недавнем прошлом. Приверженность мондиалистским, в сущности своей, идеалам последнего советского руководства с его заикленностью на «общечеловеческих ценностях» в ущерб национальным не только культурным, но и геостратегическим интересам привела к разрушительным последствиям для великой державы, что драматически, а подчас и трагически сказалось на судьбах десятков, если не сотен, миллионов людей.

Н. С. Трубецкой помимо критики космополитизма, в которой он прозорливо разглядел идейную экспансию Запада на остальной мир с целью расширения своего геополитического пространства, остановился и на анализе проблемы соотношения «истинного» и «ложного» национализма. Последнему он уделяет даже большее внимание, поскольку реально различал, что встречается «ложный национализм» куда чаще, чем «истинный». Евразиец выделил три основные разновидности ложного национализма, которые чаще и

острее всего проявляются именно у неромано-германцев, в том числе у славян.

Первый тип ложного национализма выступает в виде гипертрофированного стремления любой ценой получить государственную самостоятельность. Такие националисты часто манипулируют выражением «национальное самоопределение». Но Трубецкой вполне резонно считает, что ничего «национального» и никакого «самоопределения» в такой позиции нет. Такими националистами движет не любовь к своему народу, к своей национальной культуре, а тщеславное стремление возглавить европеизацию собственного народа. Они «стараятся навязать этому народу не только часто совершенно чуждые ему по духу формы романо-германского государства, права и хозяйственной жизни, но и романо-германские идеологии, искусство и материальный быт» [6, с. 121]. По сути своей эти квазинационалисты являются проводниками антинациональной космополитической идеологии, о которой говорилось выше.

Второй формой ложного национализма предстает «воинствующий шовинизм». Агрессивный шовинизм стремится распространить язык и культуру своего народа на другие, проживающие в данном государстве. Невозможность насильственного перенесения одной культуры на иной этнический субъект без утраты последним своей самобытности националистов-шовинистов совершенно не волнует. В своем эгоцентрическом самовозвеличивании и чванстве они отрицают равноценность народов и культур.

Третий вид ложного национализма проявляется как культурный консерватизм. В этом случае культивируются лишь некоторые национальные ценности, взятые в качестве эталонных образцов, при забвении других. Но и те ценности, которые признаны культурными авторитетами, недопускают никаких иных толкований, кроме утвержденных националистами-консерваторами, как не допускается обновление культурного багажа нации ни в каком виде. Перефразируя знаменитую фразу Платона, Трубецкой так обозначает смысл подобной позиции: «не культура для народа, а народ для культуры» [6, с. 122].

Что касается «истинного национализма», то есть такого, который акцентирует мотивы национального самопознания и национального самоутверждения, который важнейшим моментов реализации этих принципов считает создание и развитие самобытной национальной культуры, то такой национализм находил и находит очень слабое, по мнению Н. С. Трубецкого, отражение на просторах российской

Евразии. Он признает, что вообще «истинного национализма в послепетровской России еще не было» [6, с. 124].

Вместе с тем, предложенные Трубецким типы ложного национализма, нужно отметить, различаются по своим субъектам-носителям. Однако, прежде чем обратиться к рассмотрению данного ракурса национального вопроса, вернемся к освещению некоторых общегеополитических концептов. По утверждению Н. П. Савицкого, «уже с XV века Россия была не национальным, а многонациональным государством», с тех же времен складывались такие «мотивы политического уклада русского государства, по которым отдельным частям нерусского населения обеспечивались его национальные и вероисповедные права» [9, с. 126]. В этом высказывании Савицкого заслуживают пристального внимания слова — «отдельным частям нерусского населения». Действительно, Россия в ходе освоения Хартленда создавала такое месторазвитие, которое было буквально перенасыщено полиэтничным материалом, что отобразилось в русской этнической истории двумя реальностями.

Первая. Н. С. Трубецкой в своей статье «О туранском элементе в русской культуре» из известного уже нам сборника «К проблеме русского самопознания» доказал с позиций лингвистики, что сама русская (великоросская) нация формировалась через активное проникновение туранского элемента в славянский этнос. Под «туранским элементом» понимаются народы урало-алтайской группы — угрофинны, тюрки, монголы. Смешение славянских народов с народами урало-алтайской группы в феномене русской нации определило ее отличие от других восточных славян — украинцев и белорусов, где туранское влияние оказалось гораздо менее ощутимым. Пространство Евразии («между Европой и Азией») стало обширнейшим и целостным месторазвитием русской нации, полиэтничной по своему происхождению.

Вторая. В масштабах контролируемой Россией глубинной Евразии (Хартленде) проживает немало народов и племен, не ассимилированных русской нацией и сохранивших свою национальную самобытность. Но эти народы, находящиеся внутри Хартленда, как правило, не имеют сепаратистских притязаний. Им и было дозволено оставаться нерусифицированными «отдельными частями нерусского населения», то есть самими собой.

Однако, имея столь мощный географический остов, Россия с геополитической неизбежностью стала прирастать национальными окраинами. Приграничными иным геополитическим мирам («внутреннего полумесяца» в трактовке Х. Макиндера) эти окраины

оказались открыты возможному влиянию извне Хартленда, главным образом, — западно-европейскому. Именно на этих приращенных территориях стали проявляться тенденции к отколу от России и созданию собственной государственности. В этом не было бы ничего плохого, считает Трубецкой, если бы инициаторы этих процессов руководствовались интересами сохранения своей национально-культурной самобытности, а не идеологией прозападничества. Именно на национальной периферии российского Хартленда Трубецкой находит почву, питающую ложный национализм первого («самостийнического») типа. Во многом, на наш взгляд, активизация этих процессов стала геополитическим выигрышем Запада благодаря недалёковидности национальной политики России (в ее имперском, а по ряду моментов и в советском, вариантах). К претензиям наций приграничных регионов на самобытность и культурную автономию центральная власть относилась куда как менее терпимо, нежели к российской глубинке.

В то же время, когда речь шла о двух следующих типах ложного национализма — шовинистическом и консервативном, то Трубецкой в первую очередь имел в виду именно русский национализм. Что там говорить, великорусский шовинизм (в явном и скрытом виде) чаще всего провоцировал актуализацию сепаратистских настроений в России. Естественно, евразийский мыслитель учитывал и возможность смещения разновидностей национализма в «разные смешанные типы».

В своих ранних работах Н. С. Трубецкой редко конкретизировал свои теоретические выводы по отношению к отдельным нациям за исключением, пожалуй, русской. В дальнейшем он уделил серьезное внимание «украинской проблеме», проанализировав различные ее аспекты. Но эта проблематика требует специального исследования. Тем не менее, взгляды в социокультурные и политические реалии современности, нельзя не заметить, сколь многое из высказанного князем Н. С. Трубецким по национальному вопросу сохранило свою актуальность и по сей день, в том числе и в свете геополитики.

Литература

1. Дугин А. Г. Евразийский триумф /А. Г. Дугин // П. Н. Савицкий «Континент Евразия». — М. : Аграф, 1997. — С. 433-453.
2. Кошарный В. П. Месторазвитие / В. П. Кошарный // Русская философия : Энциклопедия. — М. : Алгоритм, 2007. — С. 335–336.
3. Менделеев Д. И. К познанию России / Д. И. Менделеев. — М. : Айрис-пресс, 2002. — 576 с.

4. Вернадский Г. В. Начертание русской истории / Г. В. Вернадский. — М. : Айрис-пресс, 2004. — 368 с.
5. Макиндер Х. Дж. Географическая ось истории / Х. Дж. Макиндер // Классика геополитики, XX век. — М. : Издательство АСТ, 2003. — С. 7–30.
6. Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык / Н. С. Трубецкой. — М. : «Прогресс», 1995. — 800 с.
7. Чемшит А. А. Поздние славянофилы: геополитическое предчувствие евразийства / А. А. Чемшит, И. Ш. Шенгелая // Вестник СевНТУ. Сер. Политология : Сб. науч. тр. — Севастополь, 2010. — Вып. 112. — С. 3–7.
8. Трубецкой С. Н. Курс истории древней философии / С. Н. Трубецкой. — М. : Гуманитарный изд. центр ВЛАДОС ; Русский Двор, 1997. — 576 с.
9. Савицкий П. Н. Континент Евразия / П. Н. Савицкий. — М. : Аграф, 1997. — 464 с.

У статті аналізується євразійська трактовка національного питання. Значна увага відводиться розгляду стівідношення націоналізму, шовінізму та космополітизму у геополітичному контексті.

Ключові слова: геополітика, національне питання, націоналізм, шовінізм, космополітизм.

The article analyzes the treatment of Eurasian national question. The main attention is given to the consideration of the relation of nationalism, chauvinism, and cosmopolitanism in the geopolitical context.

Key words: geopolitics, national question, nationalism, chauvinism, cosmopolitanism.

Чемшит Олександр Олександрович — завідувач кафедри філософських і соціальних наук Севастопольського національного технічного університету, доктор політичних наук, професор.

Шенгелая Юсиф Шалвович — професор кафедри філософських і соціальних наук Севастопольського національного технічного університету, кандидат філософських наук.

Рецензент: проф. Шепелєв М. А.